

СОДЕРЖАНИЕ

Автобиографический постскрипт	3
Предисловие	6
Колокольчик горничной	13
Глаза	44
Задним числом	73
Керфол	116
Победа тьмы	149
Мисс Мэри Паск	186
Привороженный	208
Мистер Джонс	239
Гранатовое зернышко	280
Зеркало	324
День всех усопших	350

Автобиографический постскрипtum

Приведенный здесь фрагмент рукописи автобиографии Эдит Уортон «Оглядываясь назад» публикуется впервые.

Когда мне было девять лет, я заболела брюшным тифом и несколько недель лежала при смерти. Мы жили тогда в Мильдбаде, что расположен на одном из склонов Шварцвальда¹, — в те времена это был маленький, вовсе не модный «курорт на водах», где моя мама проходила курс лечения. Самый известный (а может, и единственный) врач в городке никогда не сталкивался с тифом, и ему приходилось каждый день по почте спрашивать советов у сына, тоже врача, служившего тогда в немецкой армии (это было как раз накануне окончания Франко-прусской войны). Такой метод «заочного лечения» не был успешным, и наконец врач объявил моим родителям, что я умираю. Случилось так, что в тот же день стало известно: в городе проездом находится личный врач русского царя. В отчаянии родители бросились к нему; по дороге на поезд он заехал на пять минут в наш отель; лишь взглянув на меня, он изменил лечение и тем спас мне жизнь.

Та болезнь послужила разделительной чертой между моими ранним детством и следующим этапом

¹ Шварцвальд, или Черный лес — горный массив на юго-западе Германии, расположенный на территории немецкой земли Баден-Вюртемберг. — (Здесь и далее примеч. ред.)

жизни. Она стерла — насколько я помню — мучительные моральные сомнения, которые до того омрачали мое существование, но оставила меня заложницей беспричинной внутренней робости. Пока я выздоравливала, единственным, о чем я молила маму, было — чтобы мне разрешили читать, и среди книг, которые мне принесли, оказалась одна из тех отвратительных «детских книг», которые отравляют юные умы, если не подтачивают их бесповоротно. Должна отдать должное моей матери: хотя была совершенно безразлична к литературе, она испытывала здоровый ужас перед тем, что называла «дурацкими книгами», и всегда оберегала меня от них; но книгу, о которой идет речь, принесли мне почитать друзья по играм, брат и сестра, которые были «прекрасно» воспитаны и у которых наверняка могли быть только «прекрасные» книжки. Для ребенка с небогатым воображением та книга была абсолютно безвредна, но при моей обостренной кельтской восприимчивости к сверхъестественному рассказы о грабителях и привидениях, из которых она состояла, оказались пагубным чтением. Книга спровоцировала серьезный рецидив, и моя жизнь снова оказалась в опасности; а придя в себя, я очутилась в мире, населенном бесформенными ужасами. По природе своей я была ребенком не робкого десятка, но теперь жила в состоянии хронического страха. Страх перед *чем*? Не могу сказать, и даже тогда я ни разу не сумела сформулировать, чего именно боюсь. То была какая-то темная необъяснимая угроза, неотступно следовавшая за мной по пятам, тайная, зловещая; я сознавала это даже среди бела дня, а по ночам она лишала меня сна, если в моей спальне не горел свет и не было моей няни. Но, что бы это ни было, ужасней и тягостней всего оно давило на меня, когда я возвращалась с ежедневной прогулки (которую всегда совершала в сопровождении

служанки, гувернантки или папы). На подходе к дому и пока ждала на крыльце, когда откроют дверь, я чувствовала *это* у себя за спиной и даже на спине, и, если дверь открывали не сразу, меня охватывал приступ мучительно-удушающей паники. Не важно, кто стоял рядом со мной, — никто не был в состоянии защитить меня; но какое же облегчение я испытывала, если у моего сопровождавшего был ключ и мы входили в дом сразу, пока *оно* не успевало в меня вцепиться!

Такого рода галлюцинации преследовали меня семь или восемь лет, я была уже «юной леди», носившей длинные юбки и высокие прически, когда мое сердце перестало колотиться от страха, если приходилось полминуты подождать на крыльце! Зачастую я — как большинство людей — склонна думать, что родители могли бы воспитывать меня, больше учитывая мои вкусы и предпочтения, но я глубоко благодарна им за терпение, с которым они обращались со мной в тот трудный период. Они старались, насколько это было возможно, утишить мои страхи, не форсируя моих чувств, никогда не пугали и не высмеивали меня за них, не пытались «преодолевать» их, заставляя меня спать в темноте или делать что-либо иное через силу, что, как считается, должно воспитывать отвагу в робких детях. Я уверена, что только благодаря их доброте и терпимости мои страхи постепенно отпустили меня, и я стала той, кем теперь являюсь: женщиной, почти свободной от физиологических проявлений страха. Но о том, как долго еще сохранялись у меня отголоски болезни, можно судить по тому, что лет до двадцати семи — двадцати восьми я не могла спать в комнате, если в ней находилась книга, содержащая истории про грабителей или привидения, и порой даже жгла подобного рода книги, потому что меня пугало сознание, что они стоят внизу, в библиотеке!

Предисловие

— Вы верите в призраков? — бессмысленный вопрос, который люди, неспособные воспринимать влияния нездешнего, задают не скажу *«призраковидцам»*, это птицы редкие, но *«призраконастроенным»* людям, способным улавливать невидимые потоки бытия в определенных местах в определенное время.

Знаменитый ответ (не помню чей): «Нет, я не верю в призраков, но боюсь их» — это гораздо больше, нежели дешевый парадокс, каким он кажется многим. «Верить» в данном контексте означает сознательный акт мыслительной деятельности, а способность постигать присутствие призрака, дар, которым обладают далеко не все, таится в теплой тьме внутриутробных биологических жидкостей, гораздо глубже сознающего разума. Это было оригинально продемонстрировано в свое время сборником рассказов о привидениях, составленным по архивам покойного лорда Галифакса его сыном. Мерой ценности каждой истории их собиратель считал вовсе не обычный читательский интерес, а тот факт, что кто-то был готов поручиться за подлинность событий, описанных в том или ином рассказе. Не важно, насколько скучным, неоригинальным и несущественным было сочинение с литературной точки зрения — если кому-то удавалось убедить покойного лорда Галифакса в том, что оно «правдивое», что описанное в нем «действительно случилось», рассказ включался им в его собрание. И может ли быть слу-

чайностью то, что именно вошедшая в этот огромный сборник история, которая даже слегка поражает и за-
поминается, снабжена сноской от редактора, в кото-
рой он извиняется за то, что так и не смог отследить ее
источник?

Источники, в сущности, совершенно не нужны
читателю, чтобы составить мнение об истории с при-
видениями. Хороший рассказ сам в себе несет доказа-
тельство своей причастности к миру призраков и ни
в каких других доказательствах не нуждается. Но с тех
пор как впервые погрузилась в писание рассказов
о призраках, я сделала неутешительное открытие: что-
бы читать такие рассказы с удовольствием, надо обла-
дать свойством, которое у современного человека по-
чти атрофировалось. Никому никогда не нужно было
требовать от древнего римлянина, чтобы тот пони-
мал, что такое призрак, и дрожал при его появлении;
чтобы так себя вести, надо всего лишь, чтобы у тебя
в ушах звучала музыка лошадиного ржания в север-
ном первобытном лесу или плеск темных морей у са-
мых дальних берегов. Когда я только начинала читать,
а потом и писать истории о привидениях, я тщетно
рассчитывала на некую общность между собой и чи-
тателями, представляла, что они как бы будут идти
мне навстречу, мы сойдемся среди первозданных
духов, и читатели заполнят пробелы в моем повество-
вании ощущениями и видениями сродни моим собст-
венным.

Но любопытное доказательство тому, что в этом
смысле произошли существенные перемены, я по-
лучила лишь два-три года тому назад, когда рассказ,
включенный теперь в этот сборник, был представ-
лен в одном американском журнале. Думаю, боль-
шинство распространителей художественной литера-
туры согласятся со мной, что читатели, выливающие

на автора книги потоки «допросных» чернил, мало внимания обращают на одиночные публикации в каком-нибудь журнале. Автору начинают предъявлять требование открыть своим жаждущим читателям как можно больше подробностей его частной жизни только тогда, когда его разрозненные рассказы собираются в один том. Но когда «Гранатное зернышко» (рассказ, который, надеюсь, вы скоро прочтете) впервые напечатали в журнале, меня стало бомбардировать целое воинство любопытствующих, желающих прежде всего узнать, что означает название рассказа (в теменные времена моего детства знакомство с классическими волшебными сказками было такой же частью корпуса наших знаний, как братья Гримм и Андерсен), а во-вторых — чтобы им объяснили, *как призрак мог написать письмо или опустить его в почтовый ящик*. Эти вопросы являлись причиной бессонных ночей для многих корреспондентов, чьи фамилии указывали на то, что, скорее всего, они не так давно приехали из отнюдь не «заколдованных земель». Нужно ли говорить, что среди них никогда не попадалось ни одного валлийца или шотландца. Но еще через несколько лет они могут появиться, потому что, как бы глубоко внутри нас ни таился инстинкт распознавания сверхъестественного, я вижу, как он постепенно отмирает под воздействием двух распространившихся по всему свету врагов воображения — радио и кинематографа. То, что поколению, которому все, что питало его воображение, давалось ценой больших усилий и требовало дальнейшей ассимиляции, теперь преподносится в готовом виде, приправленным и разрезанным на маленькие кусочки; творческие способности (ибо чтение есть процесс такой же творческий, как сочинение) быстро чахнут вместе со способностью поддерживать длительное внимание, и мир, ко-

торый когда-то был таким *grand à la clarté des lampes*¹, уменьшается обратно пропорционально увеличению количества новых способов его постижения: чем больше мы добавляем снаружи, тем меньше он становится внутри.

Все это очень печально и для сочинителя рассказов о привидениях, и для его издателя. Но, несмотря на все враждебные влияния и соперничающие силы притяжения в лице гангстера, интроверта или обычного пьяницы, призрак может продержаться еще какое-то время усилиями опытного хроникера. Чего следует опасаться больше всего, так это того, что исчезнет племя «призраковидцев», потому что более хрупка, чем призрак, волшебная палочка вызывателя духов, и тем легче ей оказаться перемолотой тяжелыми жерновами современного ускорения. Призракам, чтобы обнаружить себя, требуется два условия, решительно чуждых современному сознанию: тишина и стабильность. Мистер Осберт Ситуэлл² как-то сообщил нам, что призраки исчезли, когда появилось электричество, но это, конечно, неверное понимание природы призрачного. Отпугнули привидения не аспидистра и не электрическая плита; я скорее представляю себе, как привидение задумчиво обходит бедное жилище на унылой улице, чем укрепленный замок с его скучным реквизитом. Что на самом деле нужно призраку, так это не гулкие коридоры и потайные двери, закамуфлированные гобеленами, а, повторю, стабильность и тишина. Потому что, если привидение появилось в каком-то месте, оно будет

¹ Строка из стихотворения Бодлера «Путешествие» — «О, как наш мир велик при скудном свете лампы». *Пер. Эллиса.*

² Осберт Ситуэлл (1892–1969) — английский писатель, поэт и критик.

стремиться туда снова; и оно, очевидно, предпочитает тихие часы, когда радио наконец перестает извергать джазовую музыку. И эти тихие часы, которые пророчески называются «короткими»¹, неуклонно становятся еще короче; и даже если всего несколько провидцев сохраняют свои волшебные палочки, призрак может в конце концов осознать невозможность найти для себя даже стоячее место в ревущей и лишенной непрерывности вселенной.

Соблазнительно остановиться на том, что мы теряем, когда призраки и духи окончательно покинут нас, но моя задача состоит скорее в том, чтобы прославить людей, сделавших их видимыми для нас. Ибо призрак не должен забывать, что его единственным шансом выжить являются рассказы тех, кто встретился с ним — реально или в воображении. Последнее, возможно, даже предпочтительней. Призрак может считать, что ему повезло, если кто-то живо представил его в своем воображении, а не скучно «пережил встречу с ним на собственном опыте». И кому, как не призраку, лучше знать, насколько трудно описать его или ее — темную, но довольно прозрачную тень — словами.

На самом деле писать истории о привидениях не просто, и, с робостью предлагая вниманию читателя эти свои попытки, я бы хотела заручиться покровительством тех, кто побудил меня к этому эксперименту. Самым первым, думаю, был Стивенсон с его «Окаянной Дженет» и «Маркхеймом» — двумя замечательными историями, хотя и далекими от высшего уровня таких мастеров, как Шеридан Ле Фаню и Фитц Джеймс О'Брайен. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь смог превзойти этих двоих. Хотя опять же единичная проба

¹ Предзакатные часы по-английски называются small hours — маленькие, короткие часы.

пера в этом жанре Мэрион Кроуфорд, ее рассказ «На верхней койке» по ощущению ползучего ужаса приближается к рассказу О'Брайена «Что это было?».

По богатству воображения в общении со сверхъестественным никто, с моей точки зрения, даже близко не стоит к «Повороту винта» Генри Джеймса, впрочем, думаю, роман о привидении едва ли можно сравнивать с рассказами, а этот роман особенно, слишком он штучный, ни в коей мере не похожий ни на какое иное произведение, автор которого пытался ухватить сущность сверхъестественного, чтобы втискивать его в привычные категории.

Что касается дня сегодняшнего, я рискнула отдать свой скромный «омнибус»¹ под особое покровительство единственного современного «вызывателя привидений», которого ставлю на первое место — и это освобождает меня от необходимости объяснять, почему я это делаю². Более того, чем больше размышляешь, тем больше убеждаешься в невозможности определить эффект сверхъестественного. Бостонский джентльмен старой школы, который рассказал, что для его жены вопрос, жарить или варить барашка, всегда был вопросом морального выбора, в заключение бодро охарактеризовал отношения между Босто-

¹ Одно из значений слова *omnibus* в английском языке — сборник, однотомник; здесь оно, скорее всего, использовано еще и как намек на сборник рассказов Уолтера де ла Мара с таким названием.

² В посвящении к сборнику рассказов о привидениях Эдит Уортон сказано: «Эти призрачные стоячие пассажиры — Уолтеру де ла Мару». Де ла Мар (1873—1956) был чрезвычайно разноплановым литератором: поэтом, романистом, рассказчиком, эссеистом, историком и составителем антологий. Наиболее знаменитой из его многочисленных первоклассных историй о призраках, пожалуй, является «Тетушка Ситона».

ном и Вселенной; но вопрос «морального выбора» не имеет никакого отношения к оценке истории с привидениями. Эта оценка должна зависеть исключительно от, если можно так выразиться, температурного режима: если при чтении рассказа по спине бегут холодные мурашки, значит, автор сделал свою работу, и сделал ее хорошо. Но правил насчет того, как вызывать у читателя эту холодную дрожь, не существует, многие рассказы, заставляющие одного читателя похолодеть, оставляют другого при нормальной температуре. Врач, который сказал, что не существует болезней, существуют только больные, вероятно, согласился бы и с тем, что не существует привидений, существуют только рассказчики историй о привидениях, поскольку то, что приводит в трепет одного из них, может оставить совершенно невозмутимым другого. Поэтому следует — я в этом убеждена — просто рассказывать свою историю без прикрас и «остальное предоставить Природе», как много лет назад сказал нью-йоркский олдермен¹, когда было предложено закупить «пару гондол» для озера в Центральном парке.

Единственное, что я могу посоветовать писателю, обратившемуся к теме сверхъестественного, это хорошенько испугаться самому, потому что, если он сохранит чувство страха во время работы, возможно, он сумеет передать и читателям то самое «многое», что «и не снилось нашим мудрецам»².

¹ Олдермен (англ. alderman — букв. «старшина, старейшина, староста») — так до 1974 года назывались члены муниципального совета или муниципального собрания в Великобритании.

² «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам» — реплика Гамлета из трагедии Уильяма Шекспира «Гамлет» (действ. 1, явл. 4). *Пер. Н. Полевого.*

КОЛОКОЛЬЧИК ГОРНИЧНОЙ

I

Это случилось осенью, после того как я переболела брюшным тифом. Я пролежала в больнице три месяца и, когда выписалась, едва держалась на ногах и выглядела такой слабой, что две или три дамы, которым я предложила свои услуги, побоялись нанять меня. Деньги у меня почти кончились, и после того как два месяца жила и столовалась в пансионе, обходя все агентства по найму, откликаясь на все объявления, которые казались хоть сколько-то приличными, я совсем упала духом, потому что нервозность и постоянное хождение не способствовали набору веса, и везения я уже не ожидала. Тем не менее оно пришло ко мне — по крайней мере, тогда это казалось везением. Некая миссис Рейлтон, подруга дамы, которая когда-то привезла меня в Штаты, повстречалась мне как-то на улице и остановилась поговорить со мной, она была очень дружелюбной дамой. Она спросила меня, почему я так бледна, и, когда я объяснила, что со мной случилось, воскликнула:

— Послушай, Хартли, кажется, у меня есть именно такое место, какое тебе нужно. Приходи завтра, и мы все обсудим.

Когда я пришла на следующий день, она сообщила мне, что дама, которую она имела в виду, некая миссис Бримптон — ее племянница, женщина молодая, но не совсем здоровая, круглый год живет в своем за-

городном доме на берегу Гудзона, поскольку не выдерживает тягот городской жизни.

— Должна тебе сказать, Хартли, — поведала миссис Рейлтон тем бодрым тоном, который всегда заставлял меня поверить, что все еще может измениться к лучшему, — что место, куда я тебя посылаю, не очень веселое. Дом большой и мрачный, племянница моя — женщина нервная и подверженная приступам истерии; ее муж... ну, он большую часть времени отсутствует, а двое их детей умерли. Год назад я бы хорошо подумала, прежде чем заточать такую румяную энергичную девушку, как ты, в эту темницу, но в данный момент ты и сама не особо бодра, а тихое место, здоровое полноценное питание, деревенский воздух и ранние вставания должны пойти тебе на пользу. Не пойми меня неправильно, — добавила она, полагая, заметив, что я немного приуныла, — тебе там может показаться скучно, но плохо не будет. Моя племянница — ангел. Ее предыдущая горничная, которая умерла прошлой весной, прослужила у нее двадцать лет и готова была целовать ее следы на земле. Она добрая хозяйка, а где хозяйка добрая, как ты знаешь, там и слуги в основном довольные и добродушные, так что, возможно, ты хорошо поладишь с остальными домочадцами. А ты именно тот человек, какого я бы хотела для своей племянницы: тихая, хорошо воспитанная и отлично образованная для своего круга. Надеюсь, ты хорошо читаешь вслух? Это прекрасно: моя племянница любит, чтобы ей читали. Она ищет горничную, которая была бы ей кем-то вроде компаньонки. Именно такой и была ее последняя горничная, и она по ней очень скучает. Жизнь там уединенная... Ну так что ты решила?

— Ах, мэм, — ответила я, — затворничества я не боюсь.

— Ну, тогда поезжай, с моей рекомендацией племянница тебя возьмет. Я прямо сейчас ей телеграфирую, а ты можешь выезжать дневным поездом. Других кандидатур у нее в настоящий момент нет, и я не хочу, чтобы ты теряла время.

Я была почти полностью готова отправиться, но все же что-то внутри мешало мне решиться, и, чтобы выиграть время, я спросила:

— А джентльмен, мэм?

— Я же сказала: джентльмен почти всегда в отъезде, — поспешно ответила миссис Рейлтон. — А когда он дома, — неожиданно добавила она, — держись от него как можно дальше.

Я села в дневной поезд и прибыла на станцию около четырех часов. Меня ждал конюх на легкой двухместной повозке, и мы бодро отправились к месту назначения. Стоял унылый октябрьский день с низкими дождевыми тучами, и к тому времени, когда мы свернули к лесу, окружавшему дом Бримптонов, свет почти померк. Милую или две дорога вилась через лес, а потом вывела нас на усыпанный гравием двор, плотно окруженный густым кустарником, казавшимся черным. Ни в одном окне не горел свет, и дом *действительно* выглядел мрачно.

Я не задавала никаких вопросов конюху, потому что я не из тех, кто составляет представление о новых хозяевах со слов других слуг, предпочитаю подождать и сделать собственные выводы. Но, судя по тому, что увидела, я уже могла сказать, что попала в самый подходящий дом — все было обустроено замечательно. Кухарка с приятным лицом встретила меня у черного хода и позвала горничную, которая убирает дом, чтобы та проводила меня в мою комнату.

— Мадам ты увидишь попозже, — сказала она, — сейчас у миссис Бримптон посетитель.

Исходя из рассказа миссис Рейлтон, я не думала, что миссис Бримптон часто принимает посетителей, и сообщение кухарки меня взбодрило. Проследовав за горничной наверх по лестнице, я увидела через одну из дверей, выходявшую на площадку и оказавшуюся открытой, что жилая часть дома хорошо обставлена, стены обшиты темными деревянными панелями и на них развешано много старинных портретов. Еще один лестничный пролет вел в крыло для слуг. Теперь было почти совсем темно, и моя провожатая извинилась, что не взяла с собой лампу.

— Но в вашей комнате есть спички, — сказала она, — и, если вы пойдете осторожно, все будет в порядке. Имейте в виду: в конце коридора будет ступенька. Ваша комната прямо за ней.

Пока она говорила, я вглядывалась вперед и в середине коридора увидела стоявшую там женщину. Когда мы проходили мимо, она отступила в открытую дверь, и горничная ее не заметила. То была худая женщина с белым лицом, в темном платье и фартуке. Я приняла ее за экономку и удивилась, что она не заговорила со мной, а только проводила долгим взглядом. Дверь моей комнаты открывалась в квадратный холл в конце коридора. Прямо напротив располагалась другая комната, дверь в нее была открыта. Увидев это, горничная воскликнула:

— Ну что ты с ней поделаешь, миссис Блайндер снова оставила дверь открытой! — и закрыла ее.

— Миссис Блайндер — это экономка? — спросила я.

— Здесь нет экономки, миссис Блайндер — кухарка.

— И это ее комната?

— Господи, нет! — ответила горничная, начиная сердиться. — Это ничья комната, то есть она стоит пустая, и дверь не следует оставлять открытой. Миссис Бримптон хочет, чтобы ее держали запертой.